

Шэнь Вэньлан проснулся в холодном поту.

Ощущение удушья, словно невидимая рука сжала сердце, заставив его почти остановиться, вырвало его из глубокого сна. Он резко сел, и холодный пот, выступивший на висках и спине, мгновенно пропитал дорожную шелковую пижаму, прилипнув к коже неприятным ледяным слоем.

В спальне царила мертвая тишина. Лишь его собственное тяжелое, сбивчивое дыхание отдавалось эхом в пустом пространстве. Плотные шторы не пропускали ни лучика света, и в темноте слабые индикаторы системы умного дома мерцали, словно глаза затаившегося зверя.

Но страшнее тьмы был кровавый образ, навеки отпечатавшийся на сетчатке глаз.

Визг тормозов, прорезавший дождливую ночь. Ослепительный, до головокружения, свет фар. Хрупкая фигура, подобно сломанной кукле, взлетела в воздух от страшного удара и с глухим стуком рухнула на влажный, холодный асфальт. Кровь — густая, теплая, с запахом ржавчины — подобно причудливому красному ручью, извивалась и расплзалась под потоками дождя.

Это был Гао Ту.

Его лицо, в обычное время лишенное эмоций, холодное почти до безразличия, сейчас напоминало измятый лист бумаги. Свет в глазах стремительно угасал, оставляя лишь пустоту.

Но больше всего душу Шэнь Вэньлана сковал леденящий ужас от того, что в своих объятиях Гао Ту крепко прижимал к себе безжизненный сверток — новорожденного младенца.

— Ох... — Шэнь Вэньлан поднял руку и с силой надавил на пульсирующие виски, издав болезненный стон. Он пытался выгнать из головы это пугающе реалистичное и жестокое видение.

Абсурд! Это же просто полнейший абсурд!

Гао Ту? Его главный секретарь, бета, который десять лет следовал за ним по пятам, отличаясь безупречной дисциплиной, высочайшей эффективностью, стабильной психикой и феромонами, которые были настолько слабыми, что их можно было вовсе не заметить?

Как он мог... забеременеть? И родить ребенка?

А сам он? Тот безумец из сна, с горящими алыми глазами, чьим разумом завладели ревность и ярость от мнимого предательства? Как он мог, словно законченный псих, загнать его в тупик и спровоцировать ту жуткую аварию?

Шэнь Вэньлан рывком отбросил одеяло и, ступая босыми ногами по ледяному полу, подошел к панорамному окну, одним движением распахнув тяжелые шторы.

За окном городские неоновые огни еще не успели погаснуть, мерцая холодным ореолом в предрассветном тумане. В стекле отразилось его лицо — бледное, с резкими чертами, и застывший в глубине глаз остаточный страх.

Он — Шэнь Вэньлан, единоличный правитель корпорации Шэнь, первоклассный альфа, привыкший контролировать всё и ненавидящий любые отклонения от заданного курса. В его жизненном словаре не было места подобным кошмарам, лишенным логики и полным хаотичных чувств.

Но детали сна были пугающе реальны. Он отчетливо помнил, как в тот момент, когда Гао Ту упал, воздух наполнил тончайший аромат, совершенно не сочетавшийся с густым запахом крови — запах шалфея после дождя, с легкой горчинкой.

Откуда у беты могли взяться такие отчетливые феромоны, которые он смог уловить? Это было противоестественно.

Шэнь Вэньлан раздраженно потер переносицу, пытаясь подавить нарастающее беспокойство. Должно быть, он просто слишком перенапрягся в последнее время. План по поглощению Шэнфан Био вышел на стадию решающей игры, те старики из совета директоров снова точат зубы, и еще...

При мысли о Хуа Юне брови Шэнь Вэньлана нахмурились еще сильнее.

Этот возмутитель спокойствия — энигма с непостижимой силой — зачем-то прикинулся секретарем-омегой с приторными феромонами и хитрыми уловками, чтобы прийти в его компанию якобы для получения жизненного опыта. Красиво называя это помощью в борьбе с противником Шэн Шаою, на деле он лишь тешил свои дурные наклонности, наслаждаясь тем, как манипулирует своей добычей, особенно альфами уровня Шэн Шаою.

Будучи одним из немногих, кто знал истинную личность Хуа Юна и суть его охотничьего плана, Шэнь Вэньлан предоставлял ему определенные служебные привилегии, фактически став союзником. Однако в глубине души он всегда испытывал отстраненность к этой театральной игре, считая ее скучной и даже опасной.

Но этот внезапный кошмар о смерти Гао Ту... не был ли он дурным предзнаменованием? Не предвещало ли это, что тщательно срежиссированный Хуа Юном спектакль вокруг Шэн Шаою вызовет цепную реакцию, которую он не сможет предугадать или контролировать, и в конечном итоге... затронет того, кто меньше всего должен был пострадать?